

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.8>

Гуманова Татьяна Сергеевна

ОБРАЗ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА В БИОГРАФИИ ДЖОНА ФОРСТЕРА "ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА"

В статье проводится анализ образа Чарльза Диккенса в биографии Джона Форстера "Жизнь Чарльза Диккенса". Основной целью является выявление способов создания положительного имиджа прозаика, анализируются особенности жизнеописания и автобиографические аспекты, присутствующие в книге. Форстер акцентирует внимание на достоинствах Диккенса, сглаживая или игнорируя его недостатки, благодаря чему биографу удается создать ставший традиционным образ "неподражаемого" писателя, который во многом оказал влияние на каждую написанную в дальнейшем биографию Диккенса. Отличительная особенность работы в том, что в ней приоритетно рассмотрены принципы создания образа, а не жанровых особенностей биографии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 253-259. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

DOSTOEVSKY'S INSIGHTS: FROM PRINCE MYSHKIN TO VL. SOLOVYOV

Vlaskin Aleksandr Petrovich, Doctor in Philology, Professor
Petrov Aleksei Vladimirovich, Doctor in Philology, Associate Professor
Tsurkan Veronika Valentinovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
apvmgn@mail.ru; alexpetrov72@mail.ru; veravts2013@yandex.ru

F. M. Dostoevsky foresaw many crises and shocks, development of various ideological diseases in people and the society. The writer's providentialism also manifested itself in the fact that in Prince Myshkin he "prophesied" the personality of his younger contemporary VI. Solovyov to Russia. The article analyzes affinity of the literary character and the real person: their philosophical and aesthetic position, Quixote behavior, the image of "not of this world", restless wandering. Considerable attention is paid to perception of the protagonist and the person – both by the characters of the novel and its readers and by VI. Solovyov's close acquaintances.

Key words and phrases: VI. Solovyov; Myshkin's image; F. M. Dostoevsky; novel "Idiot"; creative intuition.

УДК 8; 82.091

Дата поступления рукописи: 22.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.8>

В статье проводится анализ образа Чарльза Диккенса в биографии Джона Форстера «Жизнь Чарльза Диккенса». Основной целью является выявление способов создания положительного имиджа прозаика, анализируются особенности жизнеописания и автобиографические аспекты, присутствующие в книге. Форстер акцентирует внимание на достоинствах Диккенса, сглаживая или игнорируя его недостатки, благодаря чему биографу удается создать ставший традиционным образ «неподражаемого» писателя, который во многом оказал влияние на каждую написанную в дальнейшем биографию Диккенса. Отличительная особенность работы в том, что в ней приоритетно рассмотрено создание образа, а не жанровых особенностей биографии.

Ключевые слова и фразы: Чарльз Диккенс; Джон Форстер; биография; образ; викторианская биография; автобиография; прижизненная биография.

Гуманова Татьяна Сергеевна

Московский педагогический государственный университет
Luarelia@yandex.ru

ОБРАЗ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА В БИОГРАФИИ ДЖОНА ФОРСТЕРА «ЖИЗНЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА»

Джон Форстер – известный английский биограф и один из самых близких друзей Чарльза Диккенса. Будучи одного возраста, имея схожие интересы, они дружили большую часть сознательной жизни. Форстер был с Диккенсом с самого начала его писательской карьеры и стал свидетелем его становления как литератора и общественного деятеля, между ними сформировались очень близкие отношения, и именно поэтому Форстер оказался посвященным в его самые сокровенные мысли, тайны и планы. Вскоре после смерти Диккенса Джон Форстер написал его первую, хотя и далеко не последнюю биографию, которая имела огромное значение и передала образ Чарльза Диккенса таким, каковым его видели современники и каковым он хотел казаться. Также необходимо отметить, что это жизнеописание является довольно полным и подробным собранием, хотя и субъективно поданных, сведений о жизни писателя, благодаря чему каждый последующий исследователь, создававший биографию Диккенса, ссылаясь на нее.

Оговоримся, что Д. Форстер родился в 1812 году в семье торговца крупным рогатым скотом. Семья со средним, но уверенным достатком могла обеспечить ребенку стабильную жизнь и возможность учиться. Он получил хорошее образование и собирался стать юристом, но поскольку всегда имел склонность к литературе и писательству, связал свою деятельность с журналистикой, литературной критикой, редакторством и писательским трудом. Форстер работал в таких журналах, как "Foreign Quarterly Review" («Зарубежный ежеквартальный обзор»), "The True Sun" («Истинное солнце»), "The Morning Chronicle" («Утренняя хроника») и "The Examiner" («Наблюдатель»), также он написал серии эссе "Lives of the Statesmen of the Commonwealth" («Жизнь государственных деятелей Содружества») (1836-1839), "Arrest of Five Members" («Арест пяти участников») (1860), "Debates on the Grand Remonstrance" («Дебаты о великом протесте») (1860) и, создав несколько известных жизнеописаний таких значимых личностей, как Оливер Голдсмит, Джон Элиот и Уолтер Ладор, а также частично законченную работу о Джонатане Свифте, оказал значительное влияние на развитие викторианской биографии. «Жизнь Чарльза Диккенса» фактически подарила ему бессмертие в литературной истории [6].

В своей биографии «Жизнь Чарльза Диккенса» Форстер руководствовался викторианскими принципами, выстраивая жизнеописание писателя с точки зрения рассмотрения его судьбы на бытовом и сверхбытовом уровнях, показывая тем самым личность автора с фактологической, событийной стороны и анализируя его творчество, зачастую находя отражение личной жизни Диккенса в его произведениях. В викторианскую эпоху вполне оправданной выглядела возможность найти объяснение поступков или характера писателя в вымышленных эпизодах его книг или героях, возможным прототипом которых мог служить их создатель. Этот прием соответствия – взаимовлияния творческой и личной жизни – Форстер использует в своей «Жизни Чарльза Диккенса».

Книгу Форстера, несмотря на то, что она была написана уже после смерти Диккенса, стоит рассматривать как прижизненную биографию, а отчасти даже автобиографию.

Доказательство первому утверждению можно обнаружить, исследуя взаимоотношения Чарльза Диккенса и Джона Форстера на протяжении их долгой дружбы. Клер Томалин в биографии «Диккенс. Жизнь» уделила большое внимание их взаимоотношениям. Она отмечала, что, считая Джона Форстера не только своим лучшим другом, но и крайне достойным человеком, Диккенс доверял ему абсолютно. “Over their subsequent lifelong friendship Dickens sometimes mocked Forster and quarreled furiously with him, but he was the only man to whom he confided his most private experiences and feelings, and he never ceased to trust him and rely on him” [7, p. 80]. / «За долгую историю их дружеских отношений Диккенс иногда поддразнивал Форстера и яростно ссорился с ним, но он был единственным человеком, которому Диккенс доверял свои самые личные переживания и чувства, он [Диккенс] никогда не переставал доверять ему и полагаться на него» (здесь и далее перевод автора статьи. – Т. Г.). Чарльз Диккенс посвящал друга во все подробности не только своих художественных исканий и планов, но и душевных переживаний.

Форстер был для Диккенса и литературным агентом, и юристом; именно он познакомил «неподражаемого» с самыми видными литературными и театральными деятелями того времени. Джон Форстер был членом Шекспировского кружка, и благодаря ему в 1837 г. Диккенс присоединяется к этому кружку. Здесь он познакомился с У. Теккереем, Б. Корнуэллом, Д. Джеррольдом, Т. Талфордом, Ч. Найтом, С. Л. Бленчардом, Д. Маклизом, К. Стайнфилдом, Ф. Стоуном, Дж. Каттермоллом. Также Форстер представил молодого Диккенса Ли Ханту и Эдварду Бульвер-Литтону. А вскоре после знакомства Диккенс представил Форстера своим редакторам Маркони, а затем Чапмену и Холлу и в дальнейшем часто помогал писателю разрешать возникающие разногласия и осуществлять переговоры с издателями. На этом аспекте Форстер делает особый акцент в своем жизнеописании: “I found Mr. Macrone inaccessible to all arguments of persuasion however... There was nothing for it but to change front, and, admitting it might be a less evil to the unlucky author to repurchase than to let the monthly issue proceed, to ask what further gain was looked for: but so wide a mouth was opened at this that I would have no part in the costly process of filling it. I told Dickens so, and strongly counselled him to keep quiet for a time” [5]. / «Я обнаружил, что г-н Маркони глух ко всем моим убедительным аргументам... Не было никакой возможности это изменить, и, признавая это, посчитал, что, возможно, меньшим злом для неудачливого автора был бы выкуп (авторских прав), чем ежемесячное продолжение споров о поисках новых способов получения выгоды: но поднялся такой шум, что я решил, что участвовать в этом споре будет себе дороже. И настоятельно посоветовал Диккенсу хранить молчание некоторое время». Это воспоминание демонстрирует степень участия Форстера в деловых и финансовых сферах жизни Диккенса. Таким образом, Форстер оказал сильное влияние на формирование круга общения Диккенса и был значительной частью его жизни. Будучи близко знакомым со многими друзьями, коллегами и приятелями Диккенса, он использовал их воспоминания, письма и свидетельства в своей биографии, что позволило ему достоверно изобразить не только Диккенса, но и его окружение.

«Жизнь Чарльза Диккенса» была опубликована через полтора года после смерти писателя и вышла в трех томах в период с 1871 года по 1874 год. Эта биография не потеряла своего значения и по сей день, она является источником сведений, хотя и довольно субъективных, о событиях жизни Диккенса, его личности и опыте. Однако сложно считать книгу, написанную Джоном Форстером, биографией в полном смысле слова, так как работа включает в себя значительное количество автобиографических моментов, отмеченных самим Диккенсом при жизни в его незаконченной автобиографии, которую писатель в итоге положил в основу романа «Дэвид Копперфильд», благодаря чему правомерно и оправданно считать эту книгу достаточно достоверным источником сведений о некоторых очень личных эпизодах жизни Диккенса. Также Форстер широко использует письма, включая в текст своей книги их личную переписку и письменные свидетельства, полученные от их общих знакомых и друзей.

С композиционной точки зрения биография выстроена в традиционной манере: события изложены в хронологическом порядке, каждый том посвящен какому-то временному периоду, и это отмечено в заглавии разделов. Описываемые события подкреплены обширными цитатами из писем, свидетельствами Диккенса или их с Форстером общих знакомых, перемежаясь с комментариями автора и его личными воспоминаниями. Все это помогает создать образ Диккенса, показав его на всех этапах взросления и формирования его характера. Форстер рисует живого человека, учитывая особенности его личности и темперамента, обращая внимание на детали, уходя от схематичности, присущей викторианской биографии в целом и его прошлым работам в частности. Т. Н. Потничева отмечает: «В “Диккенсе” он совершенствует свое мастерство психологического анализа» [2, с. 33]. Форстер стремится избегать однозначных оценок, он показывает формирование характера Чарльза Диккенса, анализируя влияние жизненного опыта на художественные произведения. В этом плане значительным прорывом в развитии биографического жанра викторианской эпохи

послужило обращение Форстера в «Жизни Чарльза Диккенса» к «Дэвиду Копперфильду»: постоянные аллюзии и отсылки к роману позволяют сформировать достоверный образ юного писателя. Особое внимание Форстер уделяет детству и взрослению Дэвида, соотнося драматические события его жизни с юностью самого Диккенса и теми фактами, которые он узнал за многие годы дружбы. Подобный кропотливый анализ позволяет Форстеру создать точный психологический портрет творческой личности, который «на протяжении нескольких литературных эпох был в жанре биографии главным предметом изображения» [Там же, с. 34].

Посвящая весь первый том детству Чарльза Диккенса, Форстер впервые выносит на суд публики ранее известную очень малому кругу людей историю заключения отца Диккенса в долговой тюрьме и период работы маленького Чарльза на фабрике ваксы. Помимо шока, который произвела на публику такая информация, эта история также помогла создать совершенно новый незнакомый образ Диккенса: он предстает перед читателем не великим успешным писателем, общественным деятелем, но слабым, ранимым мальчиком, испившим чашу страданий сполна. Форстер приводит слова Диккенса, говорившего о равнодушном отношении его родителей к сложившейся ситуации: “I really believed at the time, that they had broken my heart” [5]. / «В то время я действительно верил, что они разбили мне сердце». Создавая образ невинного, глубоко раненого ребенка, Форстер показывает, как сильно было задето его самолюбие, мальчик не мог поверить, что родители его предали, что это все, чего от него ожидают: “My father and mother were quite satisfied. They could hardly have been more so, if I had been twenty years of age, distinguished at a grammar-school, and going to Cambridge” [Ibidem]. / «Мои отец и мать были вполне удовлетворены. Едва ли они были бы счастливы больше, даже если бы я, двадцатилетний, отличившийся в школе, собирался поступать в Кембридж». Сам же Диккенс даже в столь юном возрасте рассчитывал на судьбу гораздо более значительную, нежели рабочего на фабрике, и крайне болезненно и эмоционально реагировал на ситуацию: “No words can express the secret agony of my soul... felt my early hopes of growing up to be a learned and distinguished man, crushed in my breast. I felt... that, day by day, what I had learned, and thought, and delighted in, and raised my fancy and my emulation up by, was passing away from me, never to be brought back any more; cannot be written” [Ibidem]. / «Нет слов, чтобы выразить тайную агонию моей души... я чувствовал, что все мои надежды стать ученым выдающимся человеком раздавлены в моей груди. Я чувствовал... как день за днем все, что я узнал и думал, все, что радовало меня, вдохновляло, ускользает от меня безвозвратно, никогда не будет написано». Ощущая себя раздавленным и преданным, он запомнил этот тяжелый и темный для него период на всю жизнь и не раз отражал его в своих произведениях: тюрьма в «Пиквике» и дети в «Оливере Твисте», без сомнения, навеяны этими воспоминаниями, а в «Дэвиде Копперфильде», как отметил Джон Форстер, писатель отчасти выразил и свое страдание: “He took afterwards ample revenge for this false alarm by making all the world laugh at them in *David Copperfield*” [Ibidem]. / «В конце концов он сполна отомстил, излив эту ложную тревогу в Дэвиде Копперфильде, заставив весь мир смеяться над ней».

Показывая этот эпизод, Форстер описывает события словами Диккенса, вся история приведена в форме цитат, что позволяет автору создать ощущение присутствия, читатель понимает и буквально чувствует страдание Диккенса, будто бы он делится этой трагичной историей лично с ним: “The never to be forgotten misery of that old time” [Ibidem]. / «Никогда не забуду страдания тех дней» – такими словами Диккенс описывает самый болезненный период своего детства, однако это не сломило его, он смог сохранить свой невероятный дар и жизнелюбие, что и стремится отметить Форстер: “The story of his childish misery has itself sufficiently shown that he never throughout it lost his precious gift of animal spirits, or his native capacity for humorous enjoyment; and there were positive gains to him from what he underwent, which were also rich and lasting” [Ibidem]. / «История его детского несчастья показала, что он никогда не терял своего дара сильного духа или природной способности наслаждаться юмором, а у страданий, которые он вытерпел, были и положительные последствия». Это позволило создать положительный образ Диккенса – угнетенного и страдающего мальчика, которому удалось выстроить свою жизнь практически с нуля и подняться до невероятных высот. Этот образ и весь эпизод в целом вызвал сочувствие и симпатии, как со стороны читателей, так и со стороны критиков. Японский исследователь Юи Миамару в своей работе ссылается на анонимную рецензию, появившуюся вскоре после публикации «Жизни Чарльза Диккенса», в которой говорилось о том, что страдания закалили юного Диккенса и позволили ему стать тем, кем он стал, – великим писателем, подарив вдохновение: “All this might seem misery enough, but... it was but a prelude... Charles Dickens was to drain the cup of misery to the dregs, and to drain in young” [8, p. 234]. / «Все это может казаться ужасным, но это было своеобразной прелюдией. Чарльз Диккенс должен был испить чашу страданий до дна в молодости». Подобными суждениями руководствовались все критики, исследовавшие творчество и жизнь Диккенса, и в этом были единодушны, хотя касательно других аспектов их мнения могли кардинально различаться. Во многом благодаря этому этот эпизод является одним из самых известных в истории исследования творчества Диккенса, многие критики, литературоведы и биографы ссылались на него, анализируя произведения и характер писателя.

Жизнеописание пронизано состраданием, симпатией, а подчас и восхищением, но в нем нет той объективности, которая ожидается от биографии, потому что книга наполнена мыслями и ощущениями самого Диккенса, взятыми Форстером из личных писем, разговоров, автобиографии, и дополнена его собственными воспоминаниями и замечаниями, что позволяет говорить об очень высокой степени субъективности. Также необходимо отметить и тот факт, что, предвидя написание биографии после его смерти и принимая это как неизбежный факт, Диккенс заранее выбрал для себя биографа, назначив Форстера на эту должность. В «Жизни Чарльза Диккенса» дважды встречается упоминание об этой договоренности, одно из них является цитатой

со слов Диккенса: “Remember that [what he did at a gathering one night] for my Biography!” [Ibidem, p. 238]. / «Помни, что [что он сделал на собрании однажды ночью] это для моей биографии». Таким образом, он не только выбрал своего друга, близкого ему по духу человека, но и имел возможность отбирать информацию, которой впоследствии располагал Форстер. Другими словами, Диккенс оказался в очень выгодном положении: он мог существенно повлиять на собственную биографию и на тот образ, который будет в ней представлен. Именно поэтому в жизнеописании, созданном Форстером, нет никаких упоминаний о Марии Биднелл, первой возлюбленной Чарльза Диккенса, в то время как другие биографы отмечают важность этой истории для творчества и жизни писателя. Х. Пирсон посвятил этому всю вторую главу своей биографии Диккенса и отмечал: «До конца жизни суждено ему было хранить в памяти каждую мелочь, связанную с Марией Биднелл» [1, с. 25]. Клэр Томалин также останавливает внимание на этом эпизоде в своей книге «Диккенс. Жизнь», считая, что неудавшиеся отношения с Марией Биднелл в значительной степени повлияли на его отношения с женщинами вообще; также Томалин предполагает, что, исходя именно из этого опыта, Диккенс решил остановить свой выбор на Кэтрин в качестве будущей жены, что впоследствии привело к печальному исходу. “Catherine was slim, shapely, and pleasant-looking, with a gentle manner and without any of Maria Beadnell's sparkling beauty; but his experience with Maria's beauty and unpredictable behaviour had marked him as a burn marks, and left its scar. Better less sparkle and no wound” [7, p. 56]. / «Кэтрин была стройной, с хорошей фигурой, изящными манерами и без потрясающей красоты Марии Биднелл и ее непредсказуемого поведения, которое обожгло его и оставило шрам. Лучше меньше сияния и меньше боли». Биограф отмечает, что первая столь сильная влюбленность сформировала своего рода “gold standard for love” [Ibidem, p. 46] («золотой стандарт любви») и оставила глубокие раны в его душе.

Форстер же, вероятно по настоянию Диккенса, а возможно и из-за отсутствия достаточного количества информации, обходит этот эпизод стороной, исключая тем самым значительную деталь при формировании образа Чарльза Диккенса, – биограф не показал его слабость, коей могла быть сочтена неудача в любви. Исключая подобные детали и сглаживая некоторые моменты характера Диккенса, Форстер создавал вокруг него определенный ореол непогрешимости. По этой же причине Форстер избегает упоминаний о расставании Диккенса с женой Кэтрин: известно, что Диккенс, несмотря на свое импульсивное поведение, невероятно страшился потери репутации. Многие биографы считают, что именно поэтому он не подал на развод, желая все также оставаться символом домашнего очага и благочестивого семейного человека.

Форстер и в этом помогает Диккенсу: он почти не затрагивает расставание с женой в жизнеописании и, комментируя его, во всем поддерживает Диккенса относительно «истинных» причин неудачи их брака. 1885 год он описывает в основном с точки зрения литературной и социальной жизни, а также большое внимание уделяет покупке и обустройству Гедс Хилл. Форстер приводит слова Диккенса, написанные им в январе 1858 года: “You will hardly know Gadshill again, I am improving it so much” [5]. / «Едва ли ты узнаешь Гадсхилл, я настолько улучшил его».

Дом мечты, который так стремился получить Диккенс, в биографии придает его образу стабильность, уравновешенность. Также Джон Форстер отмечает, что Росчестер, место, где находилась новая резиденция Диккенса, Шекспир упоминал в «Генрихе IV». Связывая это место с великим английским литературным наследием: “...this House, Gadshill Place, stands on the summit of Shakespeare's Gadshill, ever memorable for its association with Sir John Falstaff in his noble fancy” [Ibidem]. / «Этот дом, Гадсхилл, стоит на вершине Шекспировского Гадсхилла, памятного своими ассоциациями с сэром Фальстафом и его благородными причудами», – Форстер тем самым подтверждал величие Диккенса и смещал внимание читателей с не столь благородных поступков и событий в жизни писателя. Таким образом, влияние Чарльза Диккенса на формирование собственного образа в биографии довольно велико, это еще раз подтверждает наличие автобиографического аспекта в данном жизнеописании.

Однако есть некоторые особенности повествования, которые, несомненно, отражают видение самого Форстера. Во-первых, он приуменьшил значение дружбы Диккенса с Уилки Коллинзом, опуская большое количество подробностей. Это характеризует желание Форстера показать себя самым близким другом Чарльза Диккенса, единственным, кого он посвящал в сокровенные тайны своей жизни. Также это стремление исключить Коллинза из жизнеописания Диккенса, максимально сократив их общение и влияние, оказанное младшим коллегой и другом на Диккенса, объясняется желанием Форстера описывать респектабельный круг писателей, поддерживая их и прославляя, в чем он видел свою писательскую миссию. Это отмечает биограф самого Форстера, Джон Фенстеймекер: “John Forster was the person who always kept in his mind a sense of mission to raise and maintain a proportionate dignity and respectability of literary men, who he thought should represent the pride of the middle class, so that he practised the duty through writing many biographies about writers” [4, p. 107]. / «Джон Форстер был человеком, который всегда помнил о своем намерении повышать и поддерживать достоинство и респектабельность писателей, которые, по его мнению, представляли гордость среднего класса, так что он исполнил свой долг, написав много биографий о писателях». Уилки Коллинз же, по мнению Форстера, не попадал в ряды респектабельных писателей и оказывал плохое влияние на Диккенса, следовательно, должен был быть максимально исключен из его окружения. “He needed Dickens as a subject of his writing, in order to strengthen the respectability of the writers entirely, and to keep his own authority excellent enough to gather these respectable writers around him” [8, p. 238]. / «Диккенс был для него объектом его книги, и, в соответствии с идеей респектабельности, чтобы укрепить репутацию писателя и сохранить свой авторитет, он собрал вокруг него респектабельных писателей».

Во-вторых, Форстер полностью игнорирует существование Элен Тернан, вероятно, это вызвано викторианскими традициями умолчания: отражение неблагоприятных подробностей личной жизни не входило в планы автора, так как это нанесло бы урон репутации героя, что было абсолютно недопустимо для викторианской биографии и также нарушало представление о респектабельности. В то время как в более поздних жизнеописаниях, созданных во второй половине XX и в начале XXI века, отношениям Диккенса и Тернан уделяется большое внимание, хотя биографы комментируют эту ситуацию неоднозначно, зачастую кардинально расходясь во мнениях относительно влияния Элен Тернан на жизнь и творчество Диккенса. И отношения с Коллинзом также вызывают особый интерес исследователей. Стороны жизни, связанные с Уилки Коллинзом и Элен Тернан, рисуют образ Диккенса, отличный от того респектабельного, непогрешимого и мудрого писателя, изображенного Форстером и воспринятого с его легкой руки критиками и биографами, придерживающимися традиционных взглядов на этот вопрос.

Влияние, которое имел Диккенс на книгу, написанную Форстером, позволяет говорить о том, что писатель во многом сам сформировал собственный образ, предстающий перед читателями в «Жизни Чарльза Диккенса». Этот образ стремился к идеалу, который писатель так старательно изображал в своих книгах. Он писал положительных героев, на которых сам жаждал быть похожим. Особенно это желание отразилось в его самом автобиографичном романе «Дэвид Копперфильд». В жизнеописании Форстер, как уже было сказано выше, обращается к этому роману, так как еще при жизни Диккенса считалось, что он затрагивал личный опыт и трагедию писателя. “Many guesses have been made since his death, connecting David’s autobiography with his own; accounting, by means of such actual experiences, for the so frequent recurrence in his writings of the prison-life, its humour and pathos, described in them with such wonderful reality” [5]. / «Множество предположений со времени смерти Диккенса было сделано о совпадениях автобиографии Дэвида с его собственной, учитывая значение реального опыта, так часто повторяющегося в его описаниях тюремной жизни, выполненных потрясающе живо, с таким юмором и пафосом». Известно, что и сам Диккенс испытывал слабость к «Дэвиду Копперфильду»: “I am glad you liked Copperfield [sic]. It is far more interesting to me than any of the other Readings, and I am half ashamed to confess – even to you – what a tenderness I have for it!” [3, p. 107]. / «Я рад, что вам понравился Копперфильд. Для меня он гораздо интереснее, чем любое другое чтение, и мне немного стыдно признаться – даже тебе – какую нежность я испытываю к нему!». Поэтому на протяжении всего повествования Форстер часто делает отсылки к этому роману, сообщая, что тот или иной факт биографии Диккенса нашел свое отражение в нем. И это касается не только самой главной и впечатляющей истории жизнеописания о работе юного Диккенса на фабрике ваксы, но также и отсылок к описанию сада, который Чарльз видел в детстве из своего окна в Чатеме, и школы, в которой учился после работы на фабрике: “From Dickens himself I never heard much allusion to the school thus described: but I knew, that... it had supplied some of the lighter traits of Salem-house for *Copperfield*” [5]. / «От самого Диккенса я никогда не слышал намеки на описанную школу, но я знал, что... он показал некоторые из наиболее светлых черт Салемхауса в Копперфильде». Все эти детали, на которые Форстер регулярно обращает внимание, лишь подчеркивают значимость книги для самого Диккенса и ее важность для понимания его личности и характера. В романе писатель изобразил становление молодого человека, его развитие и взросление, нелегкий путь, приведший его к делу жизни; так и Форстер, выстраивая биографию Диккенса, старается раскрыть его образ, продемонстрировав все препятствия, которые ему пришлось преодолеть на пути к успеху. Но как в «Дэвиде Копперфильде» трудности лишь закалили характер юноши и сделали его образцом респектабельности и благочестия, так и описания Форстера показывают Диккенса лишь с исключительно положительной стороны, и даже если исследователь обозначает какие-то недостатки, всегда стремится найти им оправдание или убедить читателя, что это не недостатки вовсе. Этот прием Форстер использует как на бытовом уровне, так и на сверхбытовом: он закрывает глаза на личные недостатки писателя и опровергает критические мнения относительно творчества Диккенса.

Примерами такой стратегии поведения могут служить эпизоды как из деловых отношений Диккенса, так и взаимоотношения с семьей, изображенные в «Жизни». Во время работы над «Записками Пиквикского клуба» Диккенс должен был придумывать текст к иллюстрациям, созданным Сеймуром, которому издатели отдали право формировать сюжет и направление повествования, в зависимости от того, что он захочет изобразить в своих иллюстрациях. В итоге Диккенс значительно скорректировал этот план, и это вызвало определенные разногласия, а так как Сеймур покончил с собой вскоре после начала работы, на Диккенса обратились обвиняющие взгляды. Форстер стремится всячески обелить Диккенса и очистить его репутацию: “Between the first and the second numbers of *Pickwick*, the artist, Mr. Seymour, died by his own hand... Dickens had seen the unhappy man only once, forty-eight hours before his death... he brought away again for the few further touches that occupied him to a late hour of the night before he destroyed himself. A notice attached to the number informed the public of this latter fact” [Ibidem]. / «Между первым и вторым номерами Пиквика художник, г-н Сеймур, совершил самоубийство... Диккенс видел этого несчастного человека только один раз за сорок восемь часов до его смерти; после их встречи Сеймур вернулся к работе над набросками, которые занимали его до поздней ночи, после чего наложил на себя руки. Уведомление, приложенное к номеру, информировало общественность об этом последнем факте». Форстер стремится максимально сократить участие Диккенса в этой истории, в отличие от того, что писали в газетах, которые сделали его тем самым героем, случайно оказавшимся в нужном месте в нужное время. Своими чудесными сюжетами он спас издательский проект и, продемонстрировав свой гений, заложил основы будущей блистательной карьеры.

Также уклончиво и снисходительно Форстер отзываясь о ссоре Диккенса с его издателем Макроном. Писатель хотел запретить повторное переиздание «Записок Пиквика» и «Очерков Боза», однако авторскими правами на них уже не обладал, так как продал их Макрону за 100 фунтов. Макрон же возразил, что может делать со своей собственностью, что хочет, и в ответ предложил выкупить права за 2500 фунтов. Диккенс не смог проявить сдержанность и холодность, как рекомендовал ему Форстер: “The interval between the accomplishment of anything, and ‘its first motion,’ Dickens never could endure, and he was too ready to make any sacrifice to abridge or end it” [Ibidem]. / «Диккенс никогда не мог вынести промедления между достижением чего-либо и “первым шагом к этому”, он готов был пойти на любые жертвы, чтобы сократить ожидание или вовсе положить ему конец». Форстер отмечает, что терпение никогда не было сильной стороной характера Диккенса, но хотя писатель и не последовал его советам и устроил сцену, обратившись за помощью к Чапмену и Холлу, чего, по мнению биографа, не стоило делать, и в итоге поступил крайне недальновидно, он все же поддержал его: “I could not say no, though I was glad to have been no party to a price so exorbitant; which yet profited extremely little the person who received it” [Ibidem]. / «Я не мог сказать нет, хотя был рад, что мне не пришлось участвовать в договоренности, установившей столь непомерную цену и принесшей в итоге так мало выгоды тому, кто получил, что хотел (авторские права)». И чтобы сгладить впечатление, произведенное этой историей, Форстер тут же приводит замечание о невероятной щедрости к вдове и детям своего бывшего издателя Макрона, умершего два года спустя: “...and if Dickens had enjoyed the most liberal treatment at his hands, he could not have exerted himself more generously for the widow and children” [Ibidem]. / «...и даже если бы Диккенс мог насладиться более либеральным обращением с его стороны, он не мог бы поступить более щедро по отношению к его вдове и детям», – демонстрируя самые положительные черты характера Диккенса.

Описывая творческий гений Чарльза Диккенса, биограф говорит о его всеохватности, о том, что он невероятно реалистично умел изобразить картины простой жизни, об образности и красочности его персонажей, именно это, с его точки зрения, и привлекало тысячи читателей к его книгам. “Only to genius are so revealed the affinities and sympathies of high and low, in regard to the customs and usages of life; and only a writer of the first rank can bear the application of such a test. For it is by the alliance of common habits, quite as much as by the bonds of a common humanity, that we are all of us linked together; and the result of being above the necessity of depending on other people's opinions, and that of being below it, are pretty much the same” [Ibidem]. / «Только гению настолько открыты сходство и взаимопонимание высших и низших слоев общества в отношении обычаев и жизненного уклада; и только писатель самого высокого ранга может выдержать это испытание. Союз общих привычек, равно как и общечеловеческие узы, которыми мы все связаны между собой, способствуют тому, что он оказывается независим от мнения других людей, выше их оценок».

Биограф посвятил целую главу в девятом томе своего жизнеописания характеристике Диккенса как писателя. В ней он приводит критические замечания, высказанные в работах французского писателя М. Тейна и английского писателя Джорджа Генри Льюиса, и тут же стремится выявить их несостоятельность. Тейн считал, что при всех достоинствах писателя ему не хватало спокойствия и глубины для того, чтобы изобразить предмет достоверно. Лихорадочную чувствительность и неудержимый смех он видит причиной невероятного успеха Диккенса: “...in this very power of awakening a feverish sensibility and moving laughter or tears at the commonest things, the source of Dickens's astonishing popularity” [Ibidem]. / «...источник удивительной популярности Диккенса и его невероятная сила в умении пробудить лихорадочную чувствительность, вызвать смех и слезы из-за самых обычных вещей». Но Тейн не считал, что эти приемы способствуют достоверному изображению характеров, так как его воображение слишком яркое, сильное и не позволяет ему смотреть шире и показать образы в развитии. “His imagination is at once too vivid and not sufficiently large... He seizes on one attitude, trick, expression, or grimace; sees nothing else; and keeps it always unchanged” [Ibidem]. / «Его воображение одновременно слишком яркое и недостаточно широкое... он схватывает одну позу, выходку, выражение или гримасу и не видит ничего больше, сохраняя картину неизменной». Дж. Г. Льюис отмечал значительные способности Диккенса, однако считал его всего лишь театральным сентименталистом и умным карикатуристом: “stagy sentimentalist and a clever caricaturist” [Ibidem].

Эти замечания вызывают праведный гнев Форстера, и, чтобы оставить память о Чарльзе Диккенсе ничем не замутненной, он возражает каждому критическому комментарию: “...and the pretentious airs of the performance, with its prodigious professions of candour, force upon me the painful task of stating what it really is” [Ibidem]. / «...показное представление с его чудовищной исповедальной честностью вынуждает меня выполнить болезненную задачу и разъяснить, чем же это является на самом деле». Он считал, что подобные нападки являлись лишь средством привлечь внимание к молодым авторам, жаждавшим сравниться с великим писателем. Форстер называет Диккенса непревзойденным юмористом и творцом, хотя и признает, что его характерам иногда не хватает тонкости, его талант слишком глубок и богат, чтобы копировать действительность. Биограф отвечает на это замечание словами самого Диккенса, который считал, что изображение истины таковой, какая она есть, не является целью настоящей литературы и искусства: “...when the tendency is to be frightfully literal and catalogue-like – to make the thing, in short, a sort of sum in reduction that any miserable creature can do in that way – I have an idea (really founded on the love of what I profess), that the very holding of popular literature through a kind of popular dark age, may depend on such fanciful treatment” [Ibidem]. / «Когда тенденция к поверхностности и каталогизации сокращает и упрощает вещи настолько, что любое жалкое создание может так писать, – у меня есть идея (основанная на любви к тому, что я исповедую), что само прохождение популярной литературы через своеобразный популярный темный возраст может рассматриваться как своеобразное причудливое лечение».

В «Жизни Чарльза Диккенса» Форстер изображает Диккенса центральной фигурой повествования, показывая писателя в оживленных сценах его жизни с точки зрения различных людей и его самого, стараясь раскрыть глубокую внутреннюю суть. Джон Форстер использует письма и воспоминания, чтобы показать особенности мышления и стиль речи писателя: «...в его письмах не было никаких умолчаний или сдержанности, продиктованных желанием произвести выгодное впечатление на адресата или потомков» [Ibidem]. Первое впечатление, произведенное Диккенсом на Форстера, показано в портрете, приведенном в биографии: “He had a capital forehead, a firm nose with full wide nostril, eyes wonderfully beaming with intellect and running over with humour and cheerfulness, and a rather prominent mouth strongly marked with sensibility. The head was altogether well-formed and symmetrical, and the air and carriage of it were extremely spirited” [Ibidem]. / «У него был высокий лоб, крепкий нос с широкими ноздрями, его глаза сияли умом и смотрели с юмором и энергией; рот выдающийся, но чувствительный, голова симметричная и правильной формы, а внешний вид и манера держать себя были чрезвычайно оживленными». Он описывает Диккенса вдохновляющим, сильным, неудержимым, нетерпеливым; несмотря на крупное телосложение, от него исходило ощущение невероятной силы: “He was as if made of steel” [Ibidem]. / «Он был будто из стали». Форстер отмечает его невероятную выносливость и работоспособность: «...привычки Диккенса пристали бы человеку физически крепкому, хотя здоровье его таковым не было» [Ibidem].

Во всех ситуациях в книге Форстер показывает Диккенса как человека теплого, доброжелательного, очень энергичного и деятельного, отмечает разносторонность его природы, силу и умение вдохновить окружающих. Но более всего он уделяет внимание его поразительному творческому гению, вложившему так много в развитие литературы, его герои навеки поселились в сердцах читателей. “...I have thought that his biography should endeavour to present him” [Ibidem]. / «Я думал, что биография должна попытаться представить его».

Форстер также показывает щедрость и скромность Диккенса, абсолютное отсутствие эгоизма и тщеславия: несмотря на огромную популярность, он не хотел посмертных почестей, а при жизни очень много сделал для проведения социальных реформ и улучшения жизни окружающих его людей. Он помогал начинающим писателям, вкладываясь не только в их судьбы, но и в развитие литературы. Форстер признает, что хотя Диккенс и совершал ошибки и в его характере были недостатки, они никогда не бросали тень на его достоинства.

Завершая свое повествование, Форстер восторженно отзываясь о Диккенсе: “He whom we mourn was the friend of mankind, a philanthropist in the true sense; the friend of youth, the friend of the poor, the enemy of every form of meanness and oppression” [Ibidem]. / «Тот, о ком мы скорбим, был другом человечества, филантропом в истинном смысле этого слова; другом молодежи, другом бедных, врагом всякой формы подлости и угнетения» – и говорит о том, что он был гением, которого зачастую не могли понять окружающие его люди.

Сформировав яркий образ практически недостижимого идеала, Форстер показал Диккенса таким, каким его видели современники, каким он сам стремился быть или хотя бы выглядеть в глазах окружающих. Биограф изобразил хорошего, порядочного человека, уважаемого во всех смыслах этого слова, создав легенду, которая на долгие годы закрепила в представлении не только читателей, но и критиков, и литературоведов, и биографов как традиционное восприятие образа Диккенса.

Список источников

1. **Пирсон Х.** Диккенс / пер. с англ. М. Кан. М.: Молодая гвардия, 1963. 451 с.
2. **Погницева Т. Н.** Биография как жанр английской литературы XVIII-XIX вв.: автореф. дисс ... д. филол. н. М., 1993. 36 с.
3. **Dickens C.** To the Honourable Mrs R. Monckton Milnes // *The Letters of Charles Dickens*. Oxford: Clarendon Press, 1998.
4. **Fenstermaker J.** John Forster / ed. by H. Sussman. Boston: Twayne, 1984. 379 p.
5. **Forster J.** The Life of Charles Dickens [Электронный ресурс]. <https://www.lang.nagoya-u.ac.jp/~matsuoka/CD-Forster.html> (дата обращения: 20.02.2018).
6. **John Forster** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/dickens/pva/pva35.html> (дата обращения: 20.02.2018).
7. **Tomalin C.** Charles Dickens: A Life. L.: Penguin Books, 2012. 527 p.
8. **Yuji Miyamaru.** A Private Tragedy Generalized: John Forster's The Life of Charles Dickens as a Dickens's Posthumous Work. Colloquia, 1999. 240 p.

CHARLES DICKENS'S IMAGE IN JOHN FORSTER'S BIOGRAPHY "THE LIFE OF CHARLES DICKENS"

Gumanova Tat'yana Sergeevna
Moscow State University of Education
Luarelia@yandex.ru

The article analyzes Charles Dickens's image in John Forster's biography "The Life of Charles Dickens". The main objective is to identify the ways to create the prose writer's positive image. The paper analyzes the features of the biography and the autobiographical aspects present in the book. Forster focuses on Dickens's merits, smoothing or ignoring his shortcomings, thanks to which the biographer succeeds in creating the traditional image of the "inimitable" writer, which in many ways influenced every Dickens's biography written in the sequel. A distinctive feature of the work is that it prioritizes consideration of the principles of the image creating rather than the genre features of the biography.

Key words and phrases: Charles Dickens; John Forster; biography; image; Victorian biography; autobiography; lifetime biography.